

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КИЕВСКОЙ РУСИ В ЛИТЕРАТУРЕ

XIII-XV ВВ.

И. Феринц

В литературе рассматриваемого нами периода ведущими жанрами наряду с летописанием остаются жанр воинской повести и житийный жанр. Отдельные произведения этих жанров обнаруживают родство с лучшими памятниками ораторской прозы и житийного жанра Киевской Руси, а также с "Словом о полку Игореве".

Анализируя роль "Слова о полку Игореве" в становлении русской литературы, Д.С. Лихачев указывает на три произведения XIII века, "в которых встретимся с тем же сочетанием плача и славы, с тем же дружинным духом, с тем же воинским патриотизмом, которые позволяют объединить их вместе с "Словом" в единый жанр и даже связать этот жанр со светской, княжеско-дружинной средой, где только он и мог возникнуть и развиваться.¹ Здесь имеются в виду следующие три произведения: "Похвала Роману Мстиславичу Галицкому", читающаяся в Ипатьевской летописи под 1201 г., "Слово о гибели Русской земли" и "Похвала роду рязанских князей", дошедшая до нас в составе повестей о Николе Заразском.

Все эти три произведения обращены к прошлому, что составляет в них основу для сочетания плача и похвалы. Во всех этих трех произведениях мы находим плач по быломu могуществу Русской земли и славу ей. В "Похвале Роману" и в "Слове о гибели" детально

¹ Д.С. Лихачев: Возникновение русской литературы. М.-Л., 1952; стр. 179-205.

описываются широкие просторы Русской земли, подвластной Мономаху. Автор "Слова о погибели" восхищается широкими просторами и красотой Русской земли: "О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая!"² Это обращение автора к русской земле напоминает восклицание Ярославны в "Слове о полку Игореве": "Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!" Однако Русская земля не только красотами и дарами природы славится, но и "князьми грозными". Автор "Слова о погибели" развивает тему "грозных" князей, покоривших "поганьскыя страны" и создает образ Владимира Мономаха, перед которым трепетали все окрестные народы и племена /"которымъ то половици дѣти своя ношаху /стоашаху/ в колыбѣли, а литва из болота на свѣте не выныкываху, а угры твердаху каменныя городы желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимерь тамо не въсѣхаль"/. Этот гиперболизированный образ "грозного" великого князя напоминает обращение автора "Слова о полку Игореве" к русским князьям, в гиперболических выражениях рисующих величие и могущество³. /"Великий княже Всеволоде!... Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти!"/. В обоих произведениях встречаются общие стилистические формулы, сходные поэтические образы. Совпадает характер заглавия.оборотъ "отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря..." из "Слова о полку Игореве" параллелен оборот из "Слова о погибели" - "Отъ великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава...". Авторы обоих произведений часто употребляют собиратель-

² Здесь и в дальнейшем тексте цитируются по "Хрестоматии по древней русской литературе" Н.К. Гудзия, М., 1973.

³ В.Ф. Переверзев. Литература Древней Руси. М., 1971, стр. 90.

ное наименование народов: "литва, деремела, хинова" - "литва, мордва, вьда, корела". Можно отметить и другие параллельные обороты.⁴

В обоих произведениях наблюдаются идеи высокого патриотизма, гиперболизация силы и воинской доблести князя-воина, лирическое восприятие природы и сочетание плача и похвалы.

В то же время сочетание плача со славой в "Слове о погибели" несколько иное, чем в "Слове о полку Игореве". В "Слове о погибели" на первый план выдвигается славное прошлое Русской земли. Слава поется ушедшему, а плач произносится о бессилии настоящего, о разоренной татарами Русской земле.

Такое распределение славы и плача, правда, встречается и в "Слове о полку Игореве", например, в том месте, где автор "Слова" говорит о былом единстве и могуществе Руси при Владимире I Святославиче, которого "нелъзѣ ѡбъ пригвоздити къ горамъ кевскимъ". Другим примером могут служить строки о прошлых успехах в борьбе со степью Святослава Киевского.

Однако в "Слове о полку Игореве" оба эти места и некоторые другие, сходные, имеют подчиненное значение. Основная тональность сочетания славы и плача в "Слове о полку Игореве" иная. В "Слове" "жалость" автора обращена к походу Игоря и к несчастным его последствиям для всей Русской земли. Это, конечно, ее настоящее. Слава же отчасти обращена к прошлому русской земли - ко времени ее былого единства и могущества при Владимире "старом", однако в

⁴ О сходных местах между "Словом о полку Игореве" и "Словом о погибели Русской земли" см. статью А.В. Соловьева: Заметки к "Слову о погибели Русской земли". ТОДРЛ, М.-Л., 1958. т.ХУ, стр. 109-113.

основном автор "Слова" славит князей-современников.. Славой Игорю "Слово" заканчивается.

За что славит автор "Слова всех этих князей? Он славит их за то, что они могут совершить, если только захотят. Он воздаст похвалу их могуществу, которое они могут употребить для лучшего будущего Русской земли. Именно это мы имеем в виду, говоря о том, что автор "Слова" оплакивая настоящее, славит будущее единой и мощной Руси.⁵

Наконец, то же грустное воспоминание о былом могуществе Русской земли пронизывает "Похвалу роду рязанских князей" в конце "Повести о разорении Рязани Батыем".

Когда войска Батя в 1237 году подступили к первому из лежавших на их пути русских городов - к Рязани, рязанский князь Юрий Ингоревиц обратился к соседним князьям за помощью. Однако ни владимирские, ни черниговские князья не пришли на помощь рязанцам. В этой ситуации рязанцы пытаются умиловить врагов. Но когда в Рязань пришла весть о гибели Федора Юрьевича, остается единственный выход - бороться с вторгшимися врагами, даже если эта борьба и не приведет к победе. Основная идея обращения князя Юрия Ингоревица к своим воинам: лучше гибель, чем позорное рабство. Этот призыв к борьбе с врагом составлен в традициях высокого красноречия домонгольской Руси: "Лутче намъ смертїю жвота купити, нежели въ поганоѣ воли быти" и напоминает обращение Игоря Святославича в

⁵ Д.С. Лихачев. Ук. работа., стр. 204.

"Слове о полку Игореве" к своим воинам перед выступлением в поход: "Луче жь бы потяту быти, неже полонену быти".

В этом совпадении отражаются одинаковое представление о воинской чести, высокий патриотизм обоих произведений. Однако за схожестью формы обращения скрывается их глубокое различие. Речь Игоря Святослаича сжата, стремительная, не терпит промедления. Игорь жаждет поскорее перейти от слова к делу. Это слова удалого воина, исполненного воинской решимости: победить или умереть. Мужественность решения Игоря подчеркивается и упоминанием о затмении солнца - зловещем предзнаменовании, вопреки которому он решается идти в поход в поисках личной славы и чести. Всего этого нет в речи Юрия Ингоровича. Историческая обстановка совсем иная. Татарское нашествие заставляет Юрия Ингоровича и его дружинников идти в бой не как на удалое пиршество, а как на подвиг мученичества, и в героях воинской повести появились черты, свойственные героям житийного жанра.⁶ В речи Игоря Святославича сохраняется героический мотив, который в то же время сочетается с религиозным призывом умереть за божии церкви и веру христианскую. Перед боем Юрий Ингорович ведет себя как и подобает благочестивому князю: он со слезами молится богу языком псалмов, затем идет в церковь и принимает там благословение епископа. В образах Юрия Ингоровича и его соратников, с одной стороны, сохранились черты удалых дружинников киевской литературы, а с другой, - прорезались не свойственные им черты воинов-мучеников.

Автор "Повести о разорении Рязани Батыем" неоднократно под-

⁶ В.Ф. Переврзев. Ук. работа, стр. 93.

черкивает иговное родство и духовную близость его героев с героями "Сказания о житии Бориса и Глеба". Уже в церкви Юрий Ингорович молится "великому чудотворцу Николѣ и сродникомъ своимъ Борису и Глѣбу". Но подчеркивается это родство с Борисом и Глебом и в "Похвале роду рязанских князей" /"Сїи бо государи рода Владимира Святославича - сродника Борису и Глѣбу, внучата великаго князя Святослава Олговича черниговського"/. Много общего можно встретить в выражениях, в которых Юрий Ингорович изливает свою скорбь, и в плаче Бориса о своем отце.

Житийное звучание получают и другие эпизоды "Повести о разорении". Если в "Слове о полку Игореве" при выражении скорби по поводу поражения нет никакого налета церковно-книжной стилистики, то в "Повести о разорении" эта скорбь приобретает церковно-книжное, свойственное житийным произведениям, звучание. "Эта часть "Повести" написанная ритмической прозой, - одно из самых замечательных мест памятника. Она звучит как траурный, заупокойный хорал." ⁷

Уже оплакивая убитых "удальцов и резвцов рязанских", Ингорович испытывает гордость не только за их героизм, но и за их былую власть: "Многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пустѣ".

Это сочетание славы и плача еще в большей мере проявляется в заключительной "Похвале роду рязанских князей", восхваляя славные качества рода рязанских князей, их княжеские добродетели, ав-

⁷ И.П. Еремин. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, стр. 142.

тор восхваляет былое их могущество. Их могущество понимается автором как могущество Русской земли, и именно ее чести, славе, силе и воздает хвалу автор. Эта похвала выделяется своей литературной отделкой: сжатостью, отточенностью формулировок и ритмом синтаксических оборотов, напоминающим повторяемость орнаментальных мотивов⁹. Здесь автор "Повести о разорении Рязани" создает идеализированный и обобщенный групповой портрет рязанских князей, уже испивших общую "смертную чашу". Автор "Слова" о полку Игореве", как мы видели, имел возможность обращаться к живым князьям и воздал хвалу их могуществу, которое они могут употребить для борьбы с врагами, если только захотят. Автор славит эту возможность.

Автор "Повести о разорении Рязани" обращается к мертвым князьям, воплощавшим в себе те лучшие качества, княжеские и христианские добродетели, благодаря которым они завоевали для русской земли могущество и славу. Самим же фактом, что Ингварь Ингорович относится к этому славному роду князей и, заняв отцовский престол, обновляет землю рязанскую, автор стремится вселить в русских веру в свои силы и возможность восстановления бывшей, утерянной независимости и славы. Именно в результате такого сочетания славы прошлому и беззаветному героизму рязанских бейцов и плача о постигшей русских скорби это произведение не оставляет у читателя чувства безвыходности, наоборот, читатель верит в обновление ря-

⁹ Художественная проза Киевской Руси XI-XII веков. М. 1957, стр. 360.

занской и всей русской земли. Правда, это оптимистическое звучание произведения проявляется не в чистых красках воинских повестей, а в стилистике нового жанра, возникшего на основе сближения воинской повести с произведениями житийной литературы. Образцом этого нового жанра "воинского жития" было "Житие Александра Невского". В этом агнографическом произведении для создания яркого образа князя-защитника родины автор широко пользовался и воинскими эпическими преданиями, и средствами поэтики воинских повестей.

Подъем национального самосознания после Куликовской битвы способствовал расцвету культуры, вызвал повышенный интерес к прошлому, пробудил стремление к возрождению национальных традиций. Одновременно возобновляются традиционные связи Руси с Византией и южнославянскими странами. В условиях тяжелого татаро-монгольского ига все больше и больше ценились такие внутренние качества человека, как его стойкость, преданность родине и князю. Поэтому и литература, особенно житийная, раскрывающая внутреннюю жизнь одного человека, все больше и больше интересуется чувствами, отдельными психологическими состояниями человека. Мысль обращается к идее независимости, литература - к произведениям XI-XIII вв. Таким образом, Русь домонгольская стала как бы "своей античностью".⁹

Этот повышенный интерес в конце XIV-XV вв. к эпохе национальной независимости связан с представлением об исторической изменчивости мира: ничто не закончено, а поэтому и не выразимо словами,

⁹ Д.С. Лихачев. Развитие русской литературы X-XVII веков. Л., 1973, стр. 113-120. Обращение к "своей античности".

текущее время неуловимо. Его может в известной мере воспроизвести лишь поток речи, динамический и многоречивый стиль, нагромождение синонимов, обертоны смысла, ассоциативные ряды, создаваемые "плетением словес".

Наиболее ярко экспрессивно-эмоциональный, панегирический стиль проявляется в произведениях агнографического жанра.

Лучшим русским представителем нового экспрессивно-эмоционального стиля является Епифаний Премудрый. Перу Епифания принадлежит два жития: "Житие Стефана Пермского", написанное им в 1396-1398 гг., и "Житие Сергия Радонежского", написанное между 1417-1418 гг. В его произведениях сказываются традиции домонгольского ораторства и домонгольской агнографии.

В авторском вступлении к "Житию митрополита Петра" Киприан говорит, что житие должно служить украшением святому¹⁰. Образцом жития - украшения, словесной похвалы святому могло служить епифаниевское "Житие Стефана Пермского".

"В плачеве и похвале инока списающа" дается определение характера писательского труда, как "плетения словес": "Да и азъ многогрѣшнѣи и неразумнѣи, послѣдуя словесемъ похвален и твоихъ, слово плетуци и слово плодяци, и словомъ почтити мняци, и отъ словесе похвален е събираа, и приобрѣтаа, и приплѣтаа..." В самом начале этого плача автор говорит, почему он хочет "принести хвалу" своему герою: когда Стефан еще был жив, он был Стефану "досадителем"

¹⁰ Л.А.Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы /к русско-болгарским литературным связям XIV- XV вв./ . ТОДРИ, М.-Л., 1963 г. XIX, стр. 215-254.

/"... иѣкогда с тобою спирахся о иѣкихъ о приключшихся, или о словѣ етерѣ /каком-нибудь/ или о коемждо стисѣ, или о строѣѣ";/.

Теперь же испытывая благоговение перед деяниями святого, автор в недоумении спрашивает: "Но что ты нареку о епископе, ... како похвалю, како почту, како ублажу, како разложу /изложу/ и како хвалу ти съплету?".

Подобно Киприану, который в своем предисловии много говорит о том, что святому полагается похвала, достойная этого святого, Епифаний Премудрый в приведенных строках одной из основных задач своего труда считает достойное святого стилистическое оформление жития. И в этом отношении Киприан, как пишет Л.А. Дмитриев, близок к Евфимию Тырновскому, который также в предисловиях к своим житиям пишет о необходимости восхвалять святого, подразумевая под этим литературное оформление жития.

В связи с этим невольно вспоминается авторское искусство Кирилла Туровского, который "литературную свою задачу обычно определял следующими словами: "прославить" /праздник/, "воспеть", "возвеличить", "украсить словесы", "похвалить". В словах этих — ключ к пониманию художественной природы его речей. Они верный знак, что Кирилл, составляя речь, решающее значение придавал ее стилистическому оформлению". ¹¹

Взгляды Кирилла Туровского на задачи торжественных слов, которые предназначались для произнесения в храме в торжественной обстановке праздничного богослужения, наиболее полно и четко от-

¹¹ И.П. Еремин. Литература Древней Руси. М.-Л., 1966, стр. 132-143.

разились в его "Слове на вербницу": "До сдѣ же слово окративше, пѣсньми, яко цвѣты, святую церковь вѣнчаем и праздник украсим, богови хвалословение вѣслѣм..."¹². Следовательно, песни, слова могут служить украшением церкви, празднику. И этими приемами сознательно пользовался Кирилл Туровский. По-видимому, особенности "плетения словес" в творчестве Епифания не могут целиком объясняться влиянием южнославянских житий: Епифаний Премудрый мог черпать идеи "прославить, украсить словесы" из ораторского искусства Кирилла Туровского. В похвале Стефану Епифаний использует стилистическую формулу "Слова о законе и благодати" Илариона. Чтобы привести слушателей к мысли о необходимости признать Владимира святым, Иларион ставит его в один ряд с апостолами, которым принадлежит заслуга обращения в христианскую веру различных стран и земель. Чтобы осветить главную заслугу Стефана, Епифаний расширяет эту мысль следующим образом: "... Москва же блажит и чтит Петра митрополита, яко новаго чудотворца, Ростовская же земля Лионтия, епископа своего; тебе же, о епископе Стефане, Пермская земля хвалит и чтит яко апостола, яко учителя, яко вожа, яко наставника, яко наказателя, яко проповедника, яко тобою тмы избыком, яко тобою свет познахом".

Эта же формула "Слова о законе и благодати" используется в "Слове о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича" для прославления великого князя Московского: "Похваляет бо Володимера Ки -

¹² И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского. ТОДРЛ, т. XIII, стр. 411.

евская /земля/ со окрестными грады; тебе же, великий князь Дмитрий Ивановичь, вся Русьская земля". Этим подчеркивается преемственность Дмитрия по отношению к великому князю Владимиру Свято - славичу и то, что власть Дмитрия распространяется уже на всю Русскую землю..

Многие места "Слова о житии" свидетельствуют о претензии московских княжников конца XIV - начала XV в. на киевское наследство.

Уже говоря о рождении Дмитрия Ивановича, автор подчеркивает, что он внук "собрателя Руськой земли" Ивана Даниловича "и корени святаго, и богомъ сажденнаго саду отрасль благоплодна и цвѣтъ прекрасный царя Владимира, новаго Костянтина, крестившаго Русьскую землю, сродник же бысть новою чудотворцю Борису и Глѣбу". Битва на Куликовом поле сравнивается с битвой Ярослава Владимировича со Святополком, Как и в Летописной повести "злочестивый Мамай" именуется "вторым" или "треклятым" Святополком. Дмитрий, как и Александр Невский, одерживает победу при помощи небесных сил /"мнози же достовѣрніи видяху ангелы божія помогающе христі яномъ"/ и сродников своих "святых Бориса и Глеба". Как видим, преследуя ясную политическую цель: прославить победителя Мамай, как властителя всей русской земли, наследник Киевского государства, окружить власть князя ореолом святости, автор "Слова о житии" прибегает к приемам ораторской прозы Киевской Руси и использует в качестве литературных образцов "Житие Александра Невского" и паримийное чтение о Борисе и Глебе.

Вышеприведенные примеры показывают, что авторы литературных произведений XIII-XV веков часто обращаются к киевским литературным образцам: то к житийной, то ораторской литературе или к воинским повестям. Особенно повышенным интересом к домонгольской культуре характеризуется вторая половина XIV - начало XV века.